

ПРОЕКТИВНЫЙ ТЕСТ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНСТРУКТА ИЗМЕНЫ

© И.М. Юсупов

Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова, Казань,
Российская Федерация

Поступила в редакцию 03.03.2022

В окончательном варианте 10.04.2022

■ Для цитирования: Юсупов И.М. Проективный тест психологического конструкта измены // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Психолого-педагогические науки». 2022. Т. 19. № 2. С. 91–112. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-pps.2022.2.7>

Аннотация. Измена и предательство как психосоциальные явления автономно от человека не существуют. Многими религиями они признаются как нарушение нравственного табу. В основе этих издревле отмеченных поступков лежат необузданные эгоистические установки субъекта, доминирующие над декларированными нормативами социума с его ценностями, к которым общество всегда относилось традиционные морально-нравственные императивы. Триггером отступничества от принятых норм могут стать унижение, зависть и множество сопутствующих детерминант, ущемляющих самооценку человека. Измена представляет собой психологический конструкт, который непосредственно не поддается количественному измерению. По определению, измена — *процесс тайного одностороннего нарушения субъектом доверительных принципов сосуществования членов содружества*. Наиболее достоверными маркерами измены предстают поведенческие акты субъекта, чаще совершаемые им подсознательно. Они сродни пátтернам — консервативным узорам поведения, кристаллизовавшимся как продукт адаптивных алгоритмов еще в дошкольном детстве. Их проявление встречается не повседневно, а чаще в кризисных ситуациях жизни. По частоте проявлений маркеров можно судить о возвращенных комплексах, конфигурация которых вследствие нанесенной психической травмы искажает нормативные для общества поступки и служит предиктором измены. Выдвинута концепция: композиция акта измены вызревает из психологических комплексов субъекта, которые являются предикторами поступка; комплексы представлены комплементарными диадами: власть — страх, обида — месть, алчность — девальвация ценностей.

Цель теоретико-эмпирического исследования — сконструировать диагностический инструмент, основанный на защитном механизме проективной индентификации субъекта при аттестации им поступков хорошо знакомого человека.

В испытаниях теста приняли участие волонтеры с высшим образованием и учеными степенями. Нормализация диагностических шкал проведена сигмальным методом в выборке 242 человека. При $\chi = 8,4$ и $\sigma = 2,2$ вычислена квинтильная шкала нравственных установок субъектов. Надежность теста по формуле Спирмена-Брауна составила +0,76, а валидность по критерию +0,72. Дискриминативность теста по формуле Фергюсона определилась как $0,857 \approx 0,86$.

Испытания теста на репрезентативной выборке подтвердили его соответствие всем психометрическим характеристикам. Были очерчены границы применимости и выявлены скрытые прогностические возможности сконструированного диагностического инструмента.

Ключевые слова: психологические комплексы; предикторы измены; тест; шкалы.

PROJECTIVE TEST OF A TREASON PSYCHOLOGICAL CONSTRUCT

© *I.M. Yusupov*

Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov, Kazan, Russian Federation

Original article submitted 03.03.2022

Revision submitted 10.04.2022

■ For citation: Yusupov I.M. Projective test of a treason psychological construct. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Psychological and Pedagogical Sciences*. 2022;19(2):91–112. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-pps.2022.2.7>

Abstract. Treason and betrayal as psychosocial phenomena do not exist independently of a person. Many religions consider them to be a violation of a moral taboo. These deeds, marked since ancient times, are based on unchecked egoistic attitudes of a subject which dominate over the declared social norms, while traditional moral imperatives were always considered values of the society. The triggers of deviation from the accepted norms may be humiliation, envy and many other concomitant determinants which fringe upon a person's self-esteem.

Treason is a psychological construct which cannot be directly quantitatively measured. By definition, treason is *a process of a subject's secret unilateral abuse of the trusting principles of community members' coexistence*. The most reliable markers of treason are the subject's behavioral acts, most often performed subconsciously. They are akin to patterns — conservative schemes of behavior which crystallize as a product of additive algorithm as early as in the pre-school childhood. They are not manifested daily, but most often in crisis situations. The frequency of markers' manifestations may indicate the established complexes; configuration of the latter as a result of an inflicted psychological trauma distorts the deeds normative for the society and serves as a predictor of treason.

The author proposes the following conception: the composition of a treason act ripens from the psychological complexes of a subject, which serve as predictors of the deed; the complexes are represented by complementary dyads: power — fear, offense — revenge, avidity — devaluation of values.

The objective of the theoretical and empirical research is to construct a diagnostic tool based on the protective mechanism of a subject's projective identification while the subject attests the deeds of a thoroughly familiar person.

The test was validated with the help of volunteers with higher education and academic degrees. The diagnostic scales were normalized with a sigma method on a sample consisting of 242 people. At $\chi = 8.4$ и $\sigma = 2.2$, a quintile scale of the subjects' moral attitudes was calculated. The test reliability by Spearman-Brown formula was +0.76 and validity by criterion was +0.72. The test discriminatory power by Ferguson formula was determined as $0.857 \approx 0.86$.

The test checks on representative sample confirmed its compliance with all psychometric characteristics. Applicability limits were outlined, ulterior prognostic possibilities of the constructed diagnostic tool were revealed.

Keywords: psychological complexes; treason predictors; test; scales.

Введение

Всякий поступок осознанно или подсознательно мотивирован. В глазах окружающих он обрывает слой предполагаемых мотивов. Всякий «интерпретатор» поступка неосознанно атрибутирует ему мотивы, исходя из собственного житейского опыта. Потому один и тот же поведенческий акт получает множество субъективных толкований. Отмечая неизбежность редукционизма в последующем изложении, детерминанты актов будут рассматриваться как психологический конструкт, а не как измеряемая величина.

Измена и предательство как психосоциальные явления автономно от человека не существуют. Многими религиями они признаются как нарушение нравственного табу. В основе этих издревле отмеченных поступков лежат необузданные эгоистические установки субъекта, доминирующие над декларированными нормативами социума с его ценностями, к которым общество всегда относилось традиционные морально-нравственные императивы.

Измена представляет собой психологический конструкт, который непосредственно не поддается количественному измерению. По определению, измена — *процесс тайного одностороннего нарушения субъектом доверительных принципов сосуществования членов содружества*. Процесс не всегда имеет ожидаемый финал. Например, при супружеской измене по разным привходящим обстоятельствам члены семьи могут сохранять ее единство даже при отдаленном проживании друг от друга. В регламентированной организации измена ее принципам выражается эгоистическим уклонением членов от исполнения своих прямых обязательств, в диссидентских взглядах, но без нарушения конвенциональных принципов союза.

В отличие от измены предательство — *результат намеренной передачи материальных или нематериальных ценностей содружества (союза) своему оппоненту (конкуренту или потенциальному противнику)*. Зона разрушающих поступков предателя распространяется от утраты доверия близких людей до предательства достоинства государства. Факт предательства порождает в обществе и человеке подозрительность.

Мотивы поступков измены непосредственному наблюдению и фиксации не поддаются. О них можно судить лишь по совокупности маркеров поведения субъекта в ареале его существования: быту, деятельности, общении в неофициальной обстановке. Непредвзятому наблюдателю в повседневной жизни мотивы множества совершаемых субъектом поступков остаются недоступными объяснению. В то же время само действие субъекта несет эмоциональный заряд и представителями конкретной субкультуры оценивается достойным или недостойным соответственно конвенциональным нормам поведения. Не все из них имеют притягательный окрас. Маркеры алчности, зависти, ревности и прочих библейских грехов осуждаются всеми культурами. При этом мотивы их проявлений не всегда оказываются явными. Бегло рассмотрим некоторые из них.

Обзор литературы

Ревность субъекта возникает при покушении на его безраздельные притязания обладать предметом своей привязанности. Это может быть живое

существо, группа лиц, увлечения субъекта, его мастерство и прочее. Цель — не утратить безраздельное влияние на предмет своей привязанности. Другими словами, при ревности субъект стремится сохранить сложившиеся межличностные отношения [1, с. 210]. Внешне проявляющаяся как неуверенность поведения, она переживается тем острее, чем весомее для субъекта утрата отношений к себе со стороны значимого лица [2]. Эмпирически установлено, что интенсивность ревности усиливается с сокращением доверительной дистанции в отношениях субъектов [3]. В онтогенезе ранние проявления ревности наблюдаются в семьях с несколькими сиблингами. Субъективным основанием для этого становится фаворитизм одного из сиблингов в глазах родителей [4].

Психологически сопряженным с ревностью маркером выступает зависть. Зависть субъекта, в отличие от ревности, опредмечена успехами другого лица в его деятельности, жизни и складывающихся отношениях с социальным окружением. Предметом зависти могут стать как материальные успехи, так и нематериальные достижения соперника, по отношению к которым субъект воспринимает себя неудачником. Цель — не травмировать самооценку. Прием — не признавать чужие достижения. Таким образом, вектор зависти субъекта направлен на дезавуирование достижений другой личности. Защитная функция выражается в девальвации или агрессивной критике достижений другой личности. Таким приемом субъект пытается восстановить пошатнувшуюся самооценку [5]. Агрессия — один из эмоциональных маркеров комплекса мстительности субъекта.

Агрессор намеренно стремится причинить урон другому субъекту — своей жертве [6]. Цель — нанести своему недоброжелателю телесные повреждения, моральный вред, вещественный ущерб [7] или эгоистично удовлетворить биосоциальные потребности при их депривации. Приемы — физические и вербальные действия против обидчика, ненормативные для общества способы преодоления препятствий в достижении цели. Если первые два демонстрируют враждебность к жертве [8], то последний манифестирует действия субъекта, предпринимаемые для достижения эгоистических интересов, но без нанесения очевидного вреда конкуренту, чего не всегда удается избежать. Агрессивные проявления в таких ситуациях — инструментальное средство, а не цель действий. Нередко их можно наблюдать в игровых видах спорта, бизнесе, политике.

Апологеты фрейдистского направления психоаналитических учений усматривают сущность агрессии человека во врожденных силах разрушения, инстинкте смерти (Танатосе). Находясь в состоянии неустойчивого равновесия с инстинктом жизни (Эросом), при возникшем конфликте между ними Танатос способствует разрядке психического напряжения в разрушительных импульсах, чаще протекающих в аффективной форме [9]. В поисках своего «обидчика» вектор бессознательного направлен вовне субъекта. Агрессивные позывы нередко реализуются деструктивно. Если этого не происходит, напряженность разрешается аутоагрессивно. При таком сценарии действий психосоматику индивида ждут тяжелые испытания [10]. Аутоагрессия может скрываться под разными личинами: от недоверчивости, потери веры в себя, чувства вины, самоунижения, обиды, вплоть до суицидальных поступков.

Агрессия, направленная вовне, отмеченная психоаналитиками, укоренена во врожденных силах разрушения. Она направлена против сил, препятствующих самовыражению человека. Цель деструкции — разрушение не приемлемого субъектом сложившегося порядка жизни или устоявшихся отношений между членами сообщества. Приемы — уничтожение вещественных и нематериальных ценностей, разрушение биологической и социальной среды обитания, вплоть до ликвидации человека и человечества. В общественной или служебной деятельности к разрыву отношений приводят несдержанность в оценке сотрудников, сплетни, интриги, саботаж.

Ненависть — эмоциональная окраска враждебности к другому субъекту. Функция ненависти — компенсация несостоявшегося деструктивного контрдействия к обидчику. Цель субъекта — возместить нанесенный ему моральный или вещественный ущерб. Приемы — избегание, осуждение, наказание как в легитимной, так и противоправной форме. В житейском лексиконе ненависть отождествляется со злопамятством. Явные и скрытые причины, пробуждающие ненависть, различны, но объективным пусковым импульсом становится неразрешенное противостояние интересов между субъектами, впоследствии выливающееся в конфликт.

При ограниченности субъекта в способах защиты своих интересов единственно доступной ему эмоциональной реакцией непроизвольно становится ненависть. Эта эмоциональная реакция может возникнуть из-за неправильно понятых слов, действий и поступков друг друга. Нередко такое происходит при взаимных контактах субъектов из разных культур, в силу чего они могут усматривать враждебность и агрессивность там, где для этого нет объективных оснований.

Ненависть как реакция на нанесенную психотравму может предстать двояко [11]. В пассивной фазе — это защита уходом от угрожающей ситуации; в активной фазе защита обретает черты оборонительных действий. При нанесенной обиде ненависть переживается в пассивной фазе как дискомфорт от своей слабости и некомпетентности. На переход в активную фазу реагирования на обиду может решиться не всякий тип личности, для этого необходима соответствующая установка [12].

Психоаналитики в деструктивной силе ненависти усматривают триггер враждебной агрессии. Ненависть может быть спровоцирована также завистью, ревностью [13, 14] или угрозой статусу с утратой влияния и контроля над другими [15]. Известно, что ненависть высвечивается ярче при межгрупповой оппозиции «мы — они»; в ее тезаурус включены: гнев, месть, депрессия, неприязнь [16].

Жадность — вид психологической защиты — эмоциональная компенсация непризнания личности окружением. Цель — эмоционально насытить ущемленную самооценку обладанием вещественными и нематериальными ценностями. Приемы — пресытить необходимые для жизни ресурсы во всех ее аспектах: пище, развлечениях, движимости и недвижимости, общественном статусе, доступе к закрытой для общества информации и т.д.

Жадность стимулируется неуверенностью субъекта в себе. Ей сопутствует депрессия при недостижимости честолюбивых целей, при непризнании субъекта обществом как личности. Жадность преломляется в своих гранях:

в неудовлетворенности имеющимся достатком в разных сферах жизни; в опасении выглядеть хуже других; в эмоциональной неудовлетворенности личностным статусом.

По мнению психоаналитиков, эта черта личности укореняется еще в дефицитарном детстве. В основе могут лежать: неполное удовлетворение биологических потребностей, отказ или ущемление социальных потребностей, несправедливое распределение между сверстниками. В постоянном сравнении себя с другими этот хронический дефицит формирует стойкий паттерн — превзойти своих соперников; нарастить некий запас прочности для выживания в кризисных обстоятельствах жизни, что имеет отношение как к накоплению ценностей, так и к обретению статуса неприкасаемой личности. В пожилом и старческом возрастных периодах он может приобретать шаржевые формы.

Парадокс этой консервативной установки заключается в том, что, ступив на желанную ступень в социальной иерархии, субъект не удовлетворяется своим статус-кво. Достигнутый успех хочется усилить. На фоне общественного непризнания его достижений возникает психосоциальное расстройство — своего рода булимия социального происхождения. Капризами, поступками, разными аксессуарами субъект напоминает окружающим о себе.

Подобным недугом страдают популярные актеры, детронированные спортсмены, отставные военачальники, бывшие общественные и политические деятели. Эмоциональная жажда нейтрализовать свою «забытость» окружением подвигает их на самые эпатажные поступки. Обычно это заканчивается крахом личности как в материальном, так и в социальном аспектах, который объясним психологическим законом Йеркса-Додсона [17], устанавливающим нелинейную связь между силой мотива и успехом в достижении цели.

Недоверие — сомнение в искренности намерений и поступков субъекта, это поведенческий конструкт, купирующий риск в социальном взаимодействии. Цель — предотвратить возможные происки, козни со стороны недоброжелателя. Приемы — ограничить его доступ к интимной жизни и деликатным аспектам деятельности персоны: умышленно исказить или ограничивать доступную информацию, установить негласный контроль, дискредитировать своего визави. Функция недоверия — самоизоляция субъекта от возможных невзгод.

Долгое время недоверие и доверие считались антиподами двойственного психологического конструкта [18, 19]. Более поздние исследования [20–22] показали, что эти эмпирически регистрируемые феномены несут самостоятельные психологические контенты. Доверие как нематериальная ценность выкристаллизовывается в социальном опыте, приобретаемом во взаимодействии с институтами общества и носителями разных культур [1].

Любые природные или общественные явления, находящиеся в неравновесном состоянии, в преддверии их кризисов подают сигналы о предстоящих изменениях. Наиболее достоверными признаками измены предстают поведенческие акты субъекта. По частоте их проявлений можно судить о психологических конструктах, сочетание которых возвращает кристаллизованные симптомокомплексы:

- комплекс обидчивости рождается от унижения субъекта и (или) клеветы;
- комплекс мстительности — от ненависти и (или) деструкции отношений;

- комплекс девальвации ценностей — от ревности и (или) зависти;
- комплекс алчности — от скупости и (или) жадности;
- комплекс страха выражается бегством и (или) защитной агрессией;
- комплекс властолюбия — недоверием, дискредитацией и (или) остракизмом.

Любой из перечисленных симптомокомплексов, возвращенных в благоприятных для этого условиях ранних периодов психосоциального развития, а тем более их сочетание — это латентные предикторы измены. Триггером к акту измены может послужить любой аффективно окрашенный жизненный эпизод. Последствие аффективного следа во времени может не только ослабеть и исчезнуть, но, зафиксировавшись в памяти как незажившая рана, усиливаться. Склонность субъекта хронически, с повышенной частотой и по малейшему поводу оценивать себя обделенным представляет собой устойчивую черту личности — обидчивость, которая актуализируется для субъекта при схожих обстоятельствах [23]. Нередко обида выражается в поведении мотивацией избегания обидчика, дистанцированием от него [24]. При отягощенных эпизодах незажившая обида приводит к эскалации враждебности к социуму — ресентименту. Тогда обида может компенсироваться местью в самых brutальных формах: от изощренных интриг вплоть до физической расправы с реальным обидчиком и его сподвижниками. Такое возмездие за нанесенный ущерб исследователи рассматривают как когнитивно-оценочную сторону обиды [25].

Психологический конструкт измены

Описывается богатой лексикой, содержащей множество лексических единиц. Они связаны между собой логически и семантически. Семантические признаки, имеющие разную выраженность, но близость по психологической сущности, образуют свое категориальное поле, описывающее проявления поступка в его разных гранях. Понятия разбиты на подмножества, состоящие в отношениях по признаку феноменологической близости.

Следует признать, что все сущее на Земле опирается на два равных начала. Древнейшие и современные религии в своих верованиях признают дуализм мироздания: в Христианстве — противостояние Бога и Дьявола; баланс противоположностей Инь и Янь в китайской философии; нравственный выбор в Зороастризме и др. Главный принцип дуализма признается не только в религиозных, но и в светских взглядах на мироустройство: масса вещества и частота вибраций поля; мужское и женское начала в биологическом мире; этические категории света и тьмы, добра и зла; силы и слабости нервной системы; любви и ненависти в отношениях субъектов взаимодействия. Противоположности составляют собой грани целого; они не противоборствуют, а комплементарно (согласованно) дополняют друг друга. Допуская неизбежность двух фундаментальных противоположностей целостных явлений, необходимо отметить их специфические особенности:

- они возникают в рамках одной модальности психосоциального поля;
- на макровременных отрезках их структура сохраняется неизменной;
- в динамике подвержены взаимному влиянию;
- пересекаясь во взаимодействии, противоположности порождают дериваты с новыми свойствами.

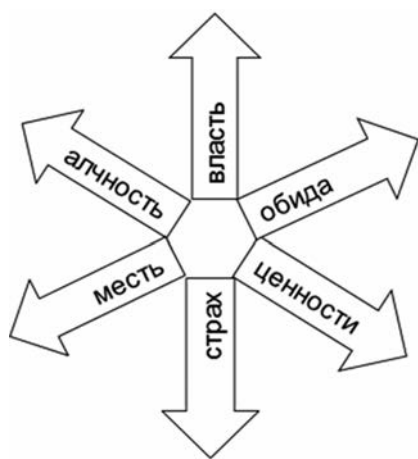

Рис. 1. Оппозиционный дуализм комплементарных комплексов субъекта

Опираясь на обозначенные общеметодологические положения, осмелимся **высказать концепцию: композиция акта измены вызревает из психологических комплексов субъекта, которые являются предикторами поступка; комплексы представлены комплементарными диадами: власть — страх, обида — мечь, алчность — девальвация ценностей** (рис. 1).

Направления стрелок указывают на нарастание интенсивности комплексов от нейтрального центра к периферии. Сами комплексы рождаются в интер-активном поле субъект-предмет-субъектных или субъект-субъектных отношений.

При субъект-субъектных интеракциях комплексы возникают как аттракция — продукт неосознаваемой эмоциональной привлекательности одного субъекта для другого. Впечатления субъекта при этом могут изменяться в диапазоне от симпатии до идео-синкразии. Они носят процессуальный характер и зависят от интенсивности стимулируемых отношений. Психологам известно, насколько альтруистичные поступки способствуют усилению аттракции участников взаимодействия. Существует значимая положительная связь между аттракцией и бескорыстной помощью существу, которому она была оказана [26]. Это во многом объясняет привязанность пациента к лечащему врачу и преданность домашних животных хозяину. Ослабление же интенсивности отношений вызывает ревность у одного из субъектов и воспринимается им как нарушение необъявленной преданности, как измена.

В модальности субъект-предмет-субъектных отношений, опосредованных общими ценностями или продуктами совместной деятельности, комплекс девальвации ценностей исполняет роль психологической защиты субъекта. Следует отметить, что к предмету ценностей субъекты относят не только созданные ими вещественные продукты, но и ценности нематериального происхождения: судьбу потомства, семейные и национальные традиции, обряды, общественный статус субъекта и его роль, произведения разных жанров искусства, спортивные и военные достижения (победы), авторство в продуктах творчества, мастерство.

Очевидное посягательство на ценности воспринимается их носителями как внешняя угроза, реактивно пробуждающая агрессивную контратаку. При неявном (конкурентном) посягательстве на ценности субъекта у него индуцируется защита в форме комплекса девальвации, который в своих маркерах (поведенческих признаках) может обретать форму зависти с любыми ненормативными поступками.

С учетом принципов системности и психосемантической близости понятий выстроилась двумерная модель измены — поступка психосоциального происхождения (рис. 2).

В центре шестилучевой звезды лежит потенциальный поступок измены, дремлющий до активации его приводящими ситуативными обстоятельствами. По граням гексагона разместились наиболее часто встречающиеся психологические комплексы. Конструкт структурирован по признаку функциональной смежности, поскольку активация любого из них индуцируется в соседствующих с ним комплексах. Мотиваторы комплексов несут в себе имплицитные предикторы измены.

Предикторы и маркеры состоят между собой в родовидовых отношениях. Род представленных психологических комплексов с некоторым допущением можно классифицировать по модальности на когнитивные — ценности, алчность, власть и эмоциональные — страх, обида и месть. В реальном поведении субъекта их трудно сепарировать. Их видовые признаки — это прогностические маркеры комплексов, проявляющиеся в поведенческих актах — замыкают структуру поступка на лучах базисного гексагона.

Внутриличностные предикторы измены скрыты не только в низкой самооценке субъекта, но и в его деформированной интерпретации поступков окружающих. Искаженное восприятие (психозы как отклонения от нормы не будут рассматриваться) и непонимание детерминант событий провоцируется ситуациями неопределенности, которые порождают у субъекта когнитивные ошибки. Их возникновение обусловлено несколькими причинами.

Субъекты склонны оценивать вероятный исход событий, воспроизводя в памяти схожие ситуации, с которыми они уже сталкивались в жизни. Паттерны поведения, выкристаллизованные еще в дошкольном детстве, «подсказывают» алгоритм стереотипного реагирования на ситуацию неопределенности. Это соответствует психоаналитическому принципу экономии энергозатрат: не усложнять поиски решений, минимизировать тревожность и оставаться в зоне эмоционального комфорта [27]. При неадаптированном к жизни комплексе страха (предикторе измены) это может выразиться в поступках бегством из ситуации или агрессивной защитой.

Функции и детерминанты измены

В коммуникативном взаимодействии поступки других оцениваются обобщенно и схематично в полярных координатах «оказывает помощь–наносит вред». Это опосредовано моральными суждениями общества о последствиях акта измены [28]. Разные возрастные, профессиональные, гендерные, этнические группы поступки оценивают неоднозначно. Акт измены, порицаемый в одной субкультуре как вредоносный, в иной субкультуре может оцениваться как гибкое и адаптивное поведение субъекта. Изменник, если не принимать во

Рис. 2. Предикторы (мотиваторы) измены и их маркеры (поведенческие признаки)

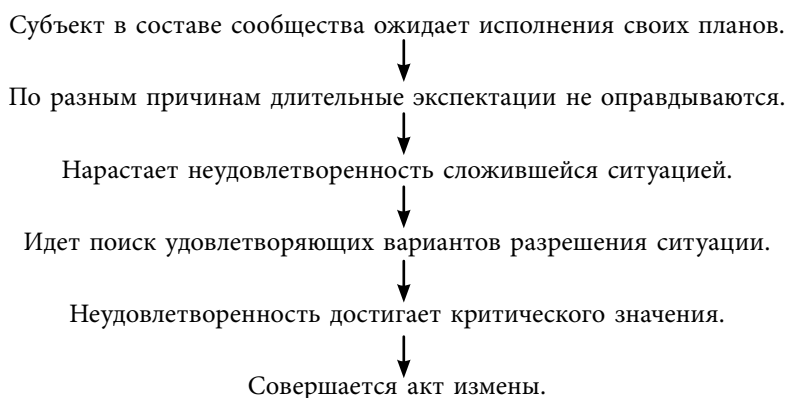
внимание мотив страха, чаще всего идет на поводу эгоцентрированных ценностей. Нравственные и этические нормы содружества остаются в арьергарде его принципов.

Измена несет в себе несколько функций, выраженных стремлением субъекта разорвать неудовлетворяющие его отношения в союзе. Психоаналитически это можно рассматривать как защиту в форме бегства из психотравмирующей ситуации.

Цели измены могут быть множественны и в каждом частном случае они опосредованы внешними обстоятельствами. Наиболее часто встречающиеся из них:

- осознание субъектом несоответствия его ценностных ориентаций ценностям сообщества;
- стремление, по возможности, компенсировать комплекс неполноценности;
- стремление субъекта изменить роль, атрибутируемую ему сообществом и повысить в нем свой статус;
- стремление отстраниться от отягощающего влияния сообщества.

В динамике функция измены представляет собой цепочку действий, типичную как для субъектов больших сообществ, так и для малых групп, например, семьи.

В этой цепи не обязательно последовательное прохождение всех звеньев. При четком осознании субъектом преследуемых сообществом целей, своей роли и статуса в нем решение «сменить обстановку» (измена, но без предательства корпоративных ценностей) может последовать на первых этапах отношений. Мотиватором, побуждающим к поступку измены, может стать любой из комплексов субъекта или их сочетание (см. рис. 2).

Детерминанты измены при всем их разнообразии несут и гендерные отличия. Из общего числа 242 волонтеров были отобраны 62 человека, оценивших в тесте поведенческие акты анонимного субъекта в 10 и более баллов. В анкете был поставлен вопрос: «Случалось ли Вам пережить измену, оказавшись в некоторых из описанных жизненных ситуаций? По Вашему мнению укажите их причину. Ответы отметить знаком «X» в списке».

Ниже приведены гендерные отличия в оценках поступка как измены (табл. 1). Мнения собраны по принципам нарративной психологии, поэтому следует настороженно отнестись к их содержательной валидности.

Таблица 1

Гендерные отличия в оценке волонтерами ситуаций и причин измены

Ситуации, в которых был отмечен поступок измены	Субъективная оценка причин измены	Мужчины	Женщины
В родительской семье	Унижение Ревность Зависть	X X X	XX
В супружеской жизни	Ревность Мстительность Недоверие	X X	XXX XX
Со стороны друзей	Зависть Властолюбие Страх	X XX X	XX X
Со стороны партнеров в бизнесе	Жадность Скупость Недоверие	XX XXX	XX XX
Среди коллег или в присутствии непосредственного начальника	Страх Властолюбие Недоверие Унижение	X XX XX X	X

Примечание: X — единичные случаи; XX — редко, но встречалось; XXX — оценивается как часто встречаемый поступок.

Материалы и методы

Процедура конструирования тестов сопряжена с рядом методолого-методических ограничений. Априори сложности вызваны несовершенством самого принципа построения вербального измерительного инструмента. Психосоциальный феномен рассматривается как аддитивная сумма образующих его составных частей, которые предполагают равноценность своей значимости в диагностируемом явлении, а в повседневной практике проявляются независимо друг от друга. Наблюдение и фиксация реакций субъекта при их стимулировании ограничена методическими условиями. Суждение о мотивах поступка возможно лишь по очевидным действиям субъекта, допуская однозначное соответствие фиксируемых (d) и скрытых (m) переменных, т.е. при условии их изоморфизма. Множества очевидно фиксируемых $\{D\}$ и скрытых от глаз $\{M\}$ индикаторов действия будут изоморфны, если:

1) каждая переменная $m \in M$ может быть взаимно однозначно сопоставлена с переменной $d \in D$, т.е. $d \Leftrightarrow m$;

2) каждая функция f , выражающая отношения переменных в множестве $\{M\}$, взаимно однозначно сопоставлена с функцией F , отражающей отношения переменных в множестве $\{D\}$, т.е. $f \Leftrightarrow F$.

Эмпирика показывает, что ситуация, стимулирующая скрытые мотивы m в множестве действий $\{D\}$, не всегда однозначно соответствует множеству $\{M\}$, которое в наблюдаемых действиях (d) отражает внутренние мотивы субъекта. Это одна из субъективных причин, вызывающих нестабильность результатов у разных наблюдателей фиксируемого действия или поступка в целом.

Разработанный проективный тест направлен на вероятностную экспресс-диагностику нравственных установок респондента, а также позволяет

прогнозировать лояльность кадров, допущенных к секретам социальной организации. Концепт теста основан на нарративном анализе мотивов множества {D} очевидных завершённых действий субъекта, фиксируемых респондентом в длительном включённом наблюдении за ним. Метод основан на наблюдении респондента. Необходимое начальное условие: аттестуемый субъект должен быть давно и хорошо знаком респонденту.

Действия вербально описываются как одноразовые акты субъекта в быту, в служебных отношениях и его публичное поведение в неформальных ситуациях. Акты поведения сблокированы в двенадцать модулей с I по XII, несущих на себе этико-нравственную нагрузку оцениваемого действия. По шкалам каждого модуля в совокупности актов выносятся логические суждения о мотивах множества {M} поступков субъекта, скрытых от наблюдателя. Дискретно-частотная — «иногда», «почти всегда» и т.д., — а не числовая оценка поведения субъекта предложена волонтерам для упрощения выражать свое отношение к вербально изложенным ситуациям. При первичной обработке ответов в бланке каждой градации в порядковой шкале измерений приписывается свое число от 0 до 5: «не знаю» — 0, «никогда» — 1, «иногда» — 2, «часто» — 3, «почти всегда» — 4, «всегда» — 5.

При конструировании опросника в шкалах порядка мы исходили из положения о том, что элементы мышления человека не числа, а элементы некоторых множеств объектов, для которых переход из класса «принадлежности» к классу «непринадлежности» не скачкообразен, а непрерывен. Выбранный методический прием исключает настороженность респондента к «правильности» своих оценочных суждений. Вместе с тем посредством его устанавливаются признаки поведения (выборочное испытание поведения), которые служат индикаторами определенных свойств личности. Результат этого испытания выявляет место испытуемого в группе сравниваемых лиц.

В испытаниях теста приняли участие 250 волонтеров в возрасте от 24 до 70 лет с высшим образованием. В их числе 13 человек имеют ученые степени. Из генеральной совокупности 8 бланков были отброшены ввиду недостоверности первичных результатов. Обследование каждого респондента проводилось индивидуально под непосредственным авторским контролем. При индивидуальном опросе респондент получает текст опросника и бланк ответов на бумажных носителях. Перед началом опроса следует убедиться в полном и однозначном понимании инструкции волонтером.

Инструкция*

Оцените акты поведения близкого Вам человека, которого хорошо знаете не менее 10 лет и наблюдали его в быту, в служебных отношениях, публичном поведении в неформальных ситуациях. Это может быть супруг(а), родитель, друг (подруга), коллега, начальник и т.д. Оценку давайте только частотно однозначную: *не знаю, никогда, иногда, часто, почти всегда или всегда*. Аттестуемый субъект должен оставаться ИНКОГНИТО. В бланке ответов на строке, соответствующей номеру утверждения, против одного выбранного из пяти возможных ответов поставьте диагональный крест «X». Рекомендуется не увлекаться ответом «не знаю». Не аттестовывать своих детей независимо от их возраста! Ни одно утверждение пропускать нельзя.

* Для получения достоверных результатов опросник не рекомендуется применять к психологам и социологам.

1. Считает, что оценивать поступки близкого человека не этично.
2. Его (ее) жилище переполнено малоупотребительными в быту предметами и напоминает музей.
3. Открывая банковский счет, выбирает самую выгодную процентную ставку.
4. Получив деловое предложение, до согласия на него всесторонне оценивает риски.
5. Осознает себя обделенным судьбой, сравнивая успешную жизнь своих родственников.
6. Портится настроение, если осознает, что кто-то из присутствующих в компании привлекает к себе большее внимание окружающих.
7. Обосновывает успехи своих знакомых благоприятно сложившимися обстоятельствами.
8. В совместной деятельности пытается другим навязать выгодные для себя правила.
9. Негодует, получив более трудное задание, чем у других.
10. Болезненно переживает свое отстранение от руководящих позиций на службе или в семье.
11. В гневе может сломать все, что попадет под руку.
12. Радуетс неудачам своих недругов.
13. Старается не включаться в конфликт между другими лицами.
14. Осознает, что его (ее) поступки вызывают к нему (к ней) неприязнь.
15. Под любым предлогом оттягивает возврат своего финансового долга.
16. Оказавшись за обильным застольем, не упустит случая пресытиться всеми яствами.
17. В свои семейные дела других старается не посвящать.
18. Пристально следит за успехами детей своих друзей или родственников, сравнивает их с успехами своих детей.
19. Капризничает, если ему (ей) оказывают меньшее внимание, чем другим членам семьи.
20. Скептически относится к присвоению другим людям наград и разных почетных титулов.
21. Обсуждая семейные проблемы, настаивает на своем решении.
22. Возмущается, если обеденное блюдо подают остывшим или в уменьшенной порции.
23. Несогласных со своим решением отстраняет от участия в общем деле.
24. В семейных или служебных отношениях инициирует скандалы.
25. Не прощает злых поступков против себя.
26. На оскорбления и другие выпады в свой адрес старается не реагировать.
27. Считает, что к поступкам близкого человека нужно относиться терпимо.
28. Предметы одежды и домашнего обихода использует до их полного износа.
29. Испытывает душевный дискомфорт, если холодильник не заполнен продуктами.
30. Настороженно относится к новым знакомым.
31. Неодобрительно высказывается о неожиданных удачах хорошо знакомого человека.

32. Потерпев неудачу в конкурсах и соревнованиях, считает, что судьи победу незаслуженно присудили менее подготовленному участнику.
33. Высказывает сомнения о пользе научных открытий для обыденной жизни.
34. В диалоге старается принять наступательную тактику.
35. Болезненно реагирует, если знакомые не здороваются с видом, что его (ее) не заметили.
36. В своем бизнесе старается изолировать возможного конкурента.
37. При крахе предпринятого мероприятия первым выходит из общего дела.
38. Не успокоится, пока не нанесет моральный или материальный ущерб своему обидчику.
39. От своих жизненных принципов быстро отказывается при изменившейся ситуации.
40. Считает, что недостойное поведение близкого человека следует прощать.

Спасибо за прилежание и откровенность

Результаты и их обсуждение

Отдельное оценочное суждение респондента не является диагностичным. Позиции, описывающие однотипные ситуации в опроснике, группировались в триады и объединялись в блоки по мотивационным признакам. По совокупности суждений волонтера о субъективно значимых для него ситуациях по шкалам I...XII подсчитывались мотивационные индикаторы нравственно-этического отношения к действиям аттестуемого субъекта. По каждой шкале может быть набрано в сумме от 3 до 15 баллов. Индивидуальные результаты представляются в виде круговой диаграммы, принцип построения которой заимствован у Т. Лири [29].

Полученные в протоколе количественные результаты каждого волонтера графически представлялись в виде круговой диаграммы. Профиль субъекта с выраженными комплексами приобретал образ «зубчатого колеса». Анализ рекомендуется акцентировать на тех секторах диаграммы, оценки по которым превышают верхнюю границу среднего уровня, выделяясь

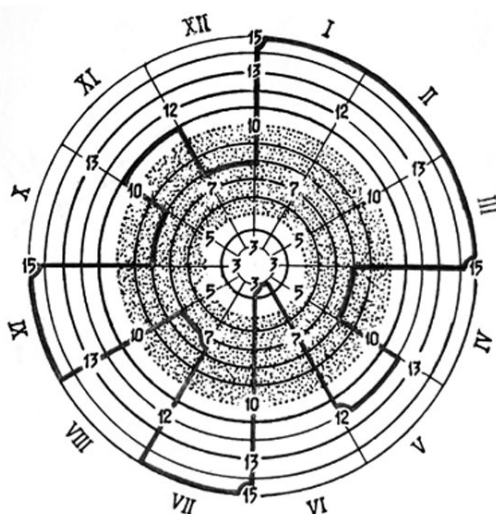

Рис. 3. Графический профиль ренегата

в сторону периметра круга, а также на значениях, оказавшихся меньше его нижней границы. Анализ общего массива полученных результатов показал: чем острее нанесенная субъекту психическая травма, тем глубже она канализирована в комплексе, что графически выражено контрастной ступенчатостью профиля «зубчатого колеса». Наиболее яркий кейс показан на рис. 3. Ущемление актуальных жизненных потребностей интерпретируются субъектом как угроза его благополучию. Реактивно формируется комплекс защит, всплывающих в угрожающих ситуациях из глубин подсознания. Их наблюдаемые маркеры составляют предикторы готовности субъекта к измене.

Нормализация шкал проводилась сигмальным методом на выборке 242 волонтеров; $\chi = 8,4$; $\sigma = 2,2$. Надежность теста — показатель его устойчивости против внешних помех (психическое состояние волонтеров, влияние установок и проч.) — проверялась делением его на части. Коэффициент надежности $\sigma_1 \approx \sigma_2$ вычислялся по формуле Спирмена-Брауна при условии:

$$r_{xx} = 2r_{1,2} / 1 + r_{1,2} = +0,76.$$

Тест признается устойчивым к помехам, если коэффициент надежности колеблется в диапазоне $0,6 \div 1,0$. На нижней доверительной границе для 5 % порога значимости коэффициент надежности при неблагоприятных условиях применения может быть принят 0,65.

Дискриминативность была взята за меру соответствия теоретическому концепту теста описанных в опроснике действий аттестуемого субъекта. Коэффициент вычислялся по формуле Фергюсона:

$$\delta = (n + 1)(N^2 - \sum f_i^2) / nN^2 = 0,857 \approx 0,86,$$

где N — число испытуемых; n — количество заданий; f_i — частота встречаемости каждого показателя.

Коэффициент $\delta = 0$ при отсутствии дискриминативности; $\delta = 1$ при равномерном распределении заданий, в которых наиболее полно были реализованы все возможные проявления измеряемого свойства. Полученный высокий коэффициент 0,86 — индикатор отличия волонтеров с высокими значениями по диагностическим шкалам от волонтеров с нормативными показателями.

Валидность по критерию проверялась соответствием теста его конструкту. Верификация проводилась путем установления статистической взаимосвязи оценок аттестуемого субъекта с собственными мотивами поступков респондента. Для этого из общего числа волонтеров были отобраны 62 человека, оценивших в тесте поведенческие акты анонимного субъекта в 10 и более баллов (табл. 1). Впоследствии для тестовых измерений, проведенных в шкалах порядка, подсчитывался коэффициент ранговой корреляции ρ -Спирмена:

$$\rho = 1 - 6 \sum d^2 / (n^3 - n),$$

где d^2 — квадрат разностей между рангами; n — количество признаков, участвовавших в ранжировании.

Вычисленный коэффициент ранговой корреляции +0,72 означает, что респонденты в своих оценочных суждениях подсознательно проецируют свои мотивы на поступки аттестуемого субъекта. Это дает методическое основание отнести диагностический инструмент к категории проективных тестов с прогностическим потенциалом.

Проверка закономерности встречаемых значений измеряемого признака в генеральной совокупности эмпирических замеров показала нормальность его распределения с положительным пикообразным эксцессом, что подтвердило дискриминативность спроектированного теста. В квинтильной шкале порядка были вычислены уровни проявления тенденций субъекта к измене, которые соотнесены с субъектными паттернами и сведены в этико-нравственные классы (табл. 2).

Таблица 2

Распределение волонтеров по признаку узоров их поведения

Уровни признака	Диапазон «сырых» баллов	Число волонтеров [чел.]	Доля в выборке [%]	Паттерны субъекта
очень высокий	>147	1	0,42	рenegат
высокий	115 ÷ 146	8	3,30	диссидент
средний	83 ÷ 114	166	68,59	оппортунист
низкий	58 ÷ 82	62	25,61	апологет
очень низкий	<57	5	2,07	адепт
		$\Sigma = 242$	$\Sigma = 99,99$	

Проведенные испытания спроектированного теста подтвердили его соответствие требуемым психометрическим характеристикам. Диагностируемые по маркерам предикторы измены рекомендуется рассматривать как вероятностный поступок субъекта, который детерминирован не только субъектным паттерном, но и привходящими обстоятельствами, особенно в кризисных ситуациях, угрожающих здоровью и жизни. Диспозиция к измене вызревает из застывших комплексов человека, выступающих триггерами поступка при реставрации пережитой им психотравмирующей ситуации.

Негативно пережитый опыт обмана и измены предположительно связан со смысло-жизненной ориентацией субъекта и соответствующим ей стилем поведения. Для проверки рабочей гипотезы из генеральной выборки были отобраны 62 волонтера, пережившие измену со стороны своего референтного окружения. Им было предложено пройти тест «темной» триады личностных ориентаций. Вычисленные статистические связи поведенческого стиля с комплексами субъекта представлены в табл. 3.

Таблица 3

Корреляции комплексов субъекта с показателями «темной» триады

Показатели «темной» триады	Комплексы субъекта					
	власть	обида	ценности	страх	месть	алчность
нарциссизм	-0,41*		-0,27*	0,57*		-0,29*
макиавеллизм	0,72**	-0,37*	0,68*	0,73**	0,86**	0,40*
психопатия		0,48*	0,66**		0,26*	

Примечание. Для $N = 62$ в таблице приведены только значимые коэффициенты линейной корреляции, где: $r_{кр} = 25$ при $p \leq 0,05$; * $r_{кр} = 33$ при $p \leq 0,01$ **

У показателей психопатии и макиавеллизма наиболее плотные связи обнаружены с комплексами ценностей, власти, страха и мести. По частоте представленности комплексов в выборке субъектов они ранжируются в перечисленной убывающей последовательности. Корреляции в психологическом контенте указывают на комплементарность комплексов. Не удовлетворение актуального для субъекта комплекса компенсируется оппозиционным ему комплексом: нанесенная обида порождает желание мести, а посягательство на обретенную власть стимулирует маркеры страха. В массовых социально-психологических явлениях месть за обиды может выражаться как маркерами ненависти (в пассивной форме — саботаж или игнорирование указов власти), так и маркерами групповой агрессии в широком спектре активных форм — от не-санкционированных митингов до разрушительных бунтов — это предикторы измены.

Не исключено, что респонденты в оценках действий субъекта склонны допускать фундаментальную атрибутивную ошибку, приписывая ему подсознательные мотивы своих поступков. Следует отметить, что статистическая связь не гарантирует исполнения прогноза в реальном поведении. Физическое лицо в сложившейся для него кризисной ситуации может поступать инстинктивно.

Диапазон применимости теста

В психодиагностической и консультативной практике настороженность вызывают лица с пограничными расстройствами, диагностические маркеры которых примыкают к нижней или верхней границе средних значений. Такая картина типична и наблюдается у субъектов с выраженной акцентуацией характера. Наибольшую резистентность во взаимодействии проявляют лица с комплексом характерологических черт, известных как «темная» триада [30]. «Темный» указывает на ресентимент личности, угнетающий окружающих. Триада включает неклинический нарциссизм, неклиническую психопатию и макиавеллизм. Каждая из перечисленных черт, входящих в этот комплекс, является самостоятельным конструктом, не сводимым к двум другим, что проявляется в несовпадении их психологического контента и структур с другими личностными чертами. Для превенции замещения вакансий управленческого аппарата лицами с психопатическими тенденциями уместно соотнести их поведение и поступки по критериям возможных расстройств, часто и ярко проявляющихся у акцентуантов в составе «темной» триады. В ходе доверительной

беседы по возможности отметить выраженность психопатии, преобладающий тип акцентуации характера, насколько она явная или остается скрытой, насколько она вписывается в диапазон пограничных расстройств. При возникающих сомнениях в целях исключения или признания патологии рекомендуется войти в содружество с психиатром для формулировки окончательного диагноза. Подспорьем этому станут критерии психопатических расстройств, описанных в еще не утратившей силу Международной классификации болезней 10-го пересмотра (МКБ-10): Специфические расстройства зрелой личности и поведения F60.

Достоверные результаты показывают респонденты в возрасте от 24 до 70 лет с развитой рефлексией и накопленным жизненным опытом. Ограничение: *аттестовывать своих детей независимо от их возраста не рекомендуется*. Результаты окажутся идеализированными, ибо для каждой мамы ее потомок — лучшее существо на свете.

Заключение и выводы¹

Рассмотренный психологический конструкт измены касается субъекта, его личностных качеств и психотравмирующих комплексов. Не следует забывать, что человек — существо общественное. Социум в целом, а более того — близкое контактное окружение влияет на поведение и поступки субъекта, регулярно создавая ему испытания на всех возрастных периодах жизни от младенчества до старости. Адаптивность *homo sapiens* к своему окружению будет зависеть не только от его субъектности, формируемой, в основном, до маргинальной взрослости, но и от неподвластных ему обстоятельств, создающих тестовые ситуации. Было бы неправомерно «оставить за кадром» нравы эпохи, средовую культуру, ценности общества, в которых взращивается такая субстанция, как личность, но это выходит за рамки предмета проведенного теоретико-эмпирического исследования. Вопросы психологического взаимодействия в микро- и макросоциальной среде со всеми присущими им эффектами и феноменами принадлежат компетенциям конфликтологов.

Сконструированный авторский тест базируется на защитных механизмах проекции/интроекции. Испытания на репрезентативной выборке подтвердили его соответствие всем психометрическим характеристикам. Вместе с тем, были выявлены и очерчены не только границы применимости, но и обнаружены его неявные прогностические возможности. Последнее может быть верифицировано только во включенном наблюдении.

Измена, издревле и по сей день бытующая в самых разных культурах, — поступок сложной структурно-функциональной организации. Он опирается на психосоциальные комплексы, взращенные чередой пережитых субъектом психотравм и неоправдавшихся ожиданий. Ранее сформулированная авторская концепция закрепились в анамнезе волонтеров, перенесших измену в ее разнообразных проявлениях.

Рассмотрев явление в аспекте субъектных диспозиций, эмпирически удалось показать, что любой из неизжитых комплексов, а тем более их сочетания,

¹ Для приобретения ключа-дешифратора авторского теста и квалитетрированных оценочных шкал следует обращаться к автору по электронному адресу: knyaz5491@mail.ru

представляют собой дремлющие мотиваторы акта измены. Триггером трансформации мотиватора в поступок может послужить ущемление ценностей субъекта, наносящее вещественный или моральный ущерб. Вычисленная квинтильная шкала паттернов может с высокой вероятностью служить предиктором поведения субъекта в кризисных ситуациях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Simmel G.* Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. – Leipzig: Verlag von Duncker & Humbolt, 1908. – 782 s.
2. *Salovey P.* Social comparison processes in envy and jealousy Social comparison // Contemporary theory and research; Ed by J. Suls, T.A. Willis-Hillsdale. – New York: Laurence Erlbaum. – 1991. – P. 261–285.
3. *Wright D.E.* Personal relationships: An interdisciplinary approach. – London, Toronto: Mayfield Publishing Company, 1999. – 388 p.
4. *Kluger J.* The sibling effect: brothers, sisters and the bonds that define us. – New York: Riverhead Books, 2011. – 308 p.
5. *Silver M., Sabini J.* The social construction of envy // Journal of the Theory of Social Behavior. – 1986. – P. 45–59.
6. *Selah-Shayovits R.* School for Aggression: Types of Adolescent Aggression in School Students and School Dropouts // International Journal of Adolescence & Youth. – 2004. – Vol. 11. – P. 303–316.
7. *Anderson C.A., Bushman B.J.* Human aggression // Annual Review of Psychology. – 2002. – Vol. 53. – P. 27–51.
8. *Feshbach S.* The function of aggression and the regulation of aggressive drive // Psychological Review. – 1964. – No. 4. – P. 257–272.
9. *Berkowitz L.* Some determinant soft impulsive aggression: The role of mediated associations with reinforcements for aggression // Psychological Review. – 1974. – Vol. 81. – No. 2. – P. 165–176.
10. *Miki Y.* Naikan Therapy – A Way of Self-Discovery and Self-Renewal. – New York: Weissman Press, 2015. – 54 p.
11. *Breslavs G.* Toward operationalization of the hate concept: an Interpersonal or Intergroup Phenomenon? // The paper presented at the 14th European conference on Personality. – Tartu, 2008. – 28 p.
12. *Wellek A.* Emotional polarity in personality structure // Feelings and Emotions; Ed. by M. Arnold. – New York: Academic Press, 1970. – P. 281–289.
13. *Buss D.M., Shackelford T.K.* From vigilance to violence: Mate retention tactics in married couples // Journal of Personality and Social Psychology. – 1997. – Vol. 72. – P. 346–361.
14. *De Weerth C., Kalma A.P.* Female aggression as a response to sexual jealousy: A sex role reversal? // Aggressive Behavior. – 1993. – Vol. 19. – P. 265–279.
15. *McDevitt J., Levin J., Bennett S.* Hate crime offenders: An expanded typology // Journal of Social Issues. – 2002. – Vol. 58. – No. 2. – P. 303–317.
16. *Fitness, J.* Anger in the workplace: An emotion script approach to anger episodes between workers and their superiors, co-workers and subordinates // Journal of Organizational Psychology. – 2000. – Vol. 21. – P. 147–162.
17. *Yerkes R.M., Dodson J.D.* The relation of strength of stimulus to rapidity of habit-formation // Journal of comparative neurology and psychology. – 1908. – Vol. 8. – P. 459–482.
18. *Hosmer L.T.* Trust: the connecting link between organizational theory and philosophical ethic // Academy of Management Review. – 1995. – Vol. 20. – No. 2. – P. 379–403.

19. *McAlister D.J.* Affect and cognition-based trust as foundations for interpersonal cooperation in organizations // *Academy of Management Journal*. – 1995. – Vol. 38. – P. 24–59.
20. *Baier A.* Trust and antitrust // *Ethics*. – 1985. – Vol. 96. – P. 231–260.
21. *Govier T.* Is it a jungle out there? Trust, distrust, and the construction of social reality // *Dialogue*. – 1994. – Vol. 33. – P. 237–252.
22. *Lewicki R.J., McAllister D.J., Bies R.J.* Trust and distrust: New relationships and realities // *Academy of Management Review*. – 1998. – Vol. 23. – No. 3. – P. 438–459.
23. *Akhtar S., Dolan A., Barlow J.* Understanding the relationship between state forgiveness and psychological wellbeing: A qualitative study // *Journal of Religion and Health*. – 2017. – Vol. 56(2). – P. 450–463.
24. *Berry J.R., Worthington E., O'Connor L.E., Parrot L., Wade N.G.* Forgiveness, vengeful rumination and affective traits // *Journal of Personality*. – 2005. – Vol. 73 (1). – P. 183–225.
25. *Stackhouse, M.R.D., Jones Ross R.W., Boon S.D.* Unforgiveness: Refining theory and measurement of an understudied construct // *British Journal of Social Psychology*. – 2018. – Vol. 57(1). – P. 130–153.
26. *Hornstein H.* Gruelty and Kindness. – London: Englewood Cliffs, 1976. – 320 p.
27. *Kahneman D.* Thinking, fast and slow. – London: Penguin Books Ltd., 2011. – 512 p.
28. *Selterman D., Moord A.C., Koleva S.* Moral judgment toward relationship betrayals (and those who commit them) // *Personal Relationships*. – 2018. – Vol. 25. – No. 1. – P. 65–86. DOI: 10.31234/osf.io/2fxah
29. *Leary T., Coffey I.* Interpersonal Diagnosis // *Theories of Personality Investigation*. – New York: John Wiley & Sons, 1969. – P. 73–96.
30. *Paulhus D.L., Williams K.M.* The Dark Triad of personality: Narcissism, Machiavellianism and psychopathy // *Journal of Research in Personality*. – 2002. – № 36. – P. 556–563.

REFERENCES

1. *Simmel G.* Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. Leipzig: Verlag von Duncker & Humboldt, 1908. 782 s.
2. *Salovey P.* Social comparison processes in envy and jealousy Social comparison. Contemporary theory and research; Ed by J. Suls, T.A. Willis-Hilsdale. New York: Laurence Erlbaum, 1991. P. 261–285.
3. *Wright D.E.* Personal relationships: An interdisciplinary approach. London, Toronto: Mayfield Publishing Company, 1999. 388 p.
4. *Kluger J.* The sibling effect: brothers, sisters and the bonds that define us. New York : Riverhead Books, 2011. 308 p.
5. *Silver M., Sabini J.* The social construction of envy. *Journal of the Theory of Social Behavior*. 1986. P. 45–59.
6. *Selah-Shayovits R.* School for Aggression: Types of Adolescent Aggression in School Students and School Dropouts. *International Journal of Adolescence & Youth*. 2004. Vol. 11. P. 303–316.
7. *Anderson C.A., Bushman B.J.* Human aggression. *Annual Review of Psychology*. 2002. Vol. 53. P. 27–51.
8. *Feshbach S.* The function of aggression and the regulation of aggressive drive. *Psychological Review*. 1964. No. 4. P. 257–272.
9. *Berkowitz L.* Some determinant of impulsive aggression: The role of mediated associations with reinforcements for aggression. *Psychological Review*. 1974. Vol. 81. No. 2. P. 165–176.

10. Miki Y. Naikan Therapy – A Way of Self-Discovery and Self-Renewal. New York: Weissman Press, 2015. 54 p.
11. Breslavs G. Toward operationalization of the hate concept: an Interpersonal or Intergroup Phenomenon? The paper presented at the 14th European conference on Personality. Tartu, 2008. 28 p.
12. Wellek A. Emotional polarity in personality structure. *Feelings and Emotions*. Ed. by M. Arnold. New York: Academic Press, 1970. P. 281–289.
13. Buss D.M., Shackelford T.K. From vigilance to violence: Mate retention tactics in married couples. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1997. Vol. 72. P. 346–361.
14. De Weerth C., Kalma A.P. Female aggression as a response to sexual jealousy: A sex role reversal? *Aggressive Behavior*. 1993. Vol. 19. P. 265–279.
15. McDevitt J., Levin J., Bennett S. Hate crime offenders: An expanded typology. *Journal of Social Issues*. 2002. Vol. 58. No. 2. P. 303–317.
16. Fitness J. Anger in the workplace: An emotion script approach to anger episodes between workers and their superiors, co-workers and subordinates. *Journal of Organizational Psychology*. 2000. Vol. 21. P. 147–162.
17. Yerkes R.M., Dodson J.D. The relation of strength of stimulus to rapidity of habit-formation. *Journal of comparative neurology and psychology*. 1908. Vol. 8. P. 459–482.
18. Hosmer L.T. Trust: the connecting link between organizational theory and philosophical ethic. *Academy of Management Review*. 1995. Vol. 20. No. 2. P. 379–403.
19. McAlister D.J. Affect and cognition-based trust as foundations for interpersonal cooperation in organizations. *Academy of Management Journal*. 1995. Vol. 38. P. 24–59.
20. Baier A. Trust and antitrust. *Ethics*. 1985. Vol. 96. P. 231–260.
21. Govier T. Is it a jungle out there? Trust, distrust, and the construction of social reality. *Dialogue*. 1994. Vol. 33. P. 237–252.
22. Lewicki R.J., McAllister D.J., Bies R.J. Trust and distrust: New relationships and realities. *Academy of Management Review*. 1998. Vol. 23. No. 3. P. 438–459.
23. Akhtar S., Dolan A., Barlow J. Understanding the relationship between state forgiveness and psychological wellbeing: A qualitative study. *Journal of Religion and Health*. 2017. Vol. 56(2). P. 450–463.
24. Berry J.R., Worthington E., O'Connor L.E., Parrot L., Wade N.G. Forgiveness, vengeful rumination and affective traits. *Journal of Personality*. 2005. Vol. 73(1). P. 183–225.
25. Stackhouse M.R.D., Jones Ross R.W., Boon S.D. Unforgiveness: Refining theory and measurement of an understudied construct. *British Journal of Social Psychology*. 2018. Vol. 57(1). P. 130–153.
26. Hornstein H. Gruelty and Kindness. London : Englewood Cliffs, 1976. 320 p.
27. Kahneman D. Thinking, fast and slow. London : Penguin Books Ltd., 2011. 512 p.
28. Selterman D., Moord A.C., Koleva S. Moral judgment toward relationship betrayals (and those whocommit them). *Personal Relationships*. 2018. Vol. 25. No. 1. P. 65–86. DOI: 10.31234/osf.io/2fxah
29. Leary T., Coffey I. Interpersonal Diagnosis. *Theories of Personality Investigation*. New York : John Wiley & Sons, 1969. P. 73–96.
30. Paulhus D.L., Williams K.M., Paulhus D.L. The Dark Triad of personality: Narcissism, Machiavellianism and psychopathy. *Journal of Research in Personality*. 2002. No. 36. P. 556–563.

Информация об авторе

Ильдар Масгудович Юсупов, доктор психологических наук, профессор кафедры «Психология развития и психофизиология». Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова, Казань, Российская Федерация. **E-mail:** knyaz5491@mail.ru

Information about the author

Ildar M. Yusupov, Doc. Psych. Sci., Professor of Developmental Psychology and Psychophysiology Department. Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov, Kazan, Russian Federation. **E-mail:** knyaz5491@mail.ru